

Обычай же бе Мелеонии на всякий день из своих рук напаяти странных, а его более любляше, видя его персону, мя подобия своего супруга, а не самого его зрети. Егда же он от скорби более исцелеваше и нача кровь в нем процветати, она же более ему любовию прилежаше, и найде ей помышление о нем, яко он бе, ина же мысль побеждаше ю, — перстень он обретенный в море не даваше расти в ней совершенно познавательной к нему мысли. А оный юноша уже желаше ей себя явити и не ведяше како, бояся да не в горшее прийти себе мяшше. Но точию во един от днии прииде благородная та отроковица по обычаю своему напаяти странных и доиде до того юноши, и без стыдения воззва его наедине, и нача к нему глаголати: «о, юноше, велие удивление ми явит о тебе и недоумеваюся, паче вижду бо ты всегда печална суща, не толико скорбию, елико вижду в тебе некую от мнения растущую печаль, юже и дохтуры сей шпитални не могут тебя уврачевати от естественной твоей болезни, заве дохтурскую науку посрами твоя мнению подлежащая скорбь; а мне самой жаль приносиши, не бо себе более жалею, яко тебе явити попечение, вижду ты подообразна (так!)¹ моему обручнику, ему же при бозе (?) дарствовав залог». Егда сие изрече слово не можаше без слез быти, велию реку излила слез, припомня о своем обручнике, и по сем мало удержав себе, паки нача глаголати: «или ты стыдением и страхом объят еси? Чесого желаеши zde от бога данных ми богатств насытитися? Или в златоодежных себе увеселити, или на конских ристаниях веселитися? Без сумнения вся ми исповеждь о сем — вся ти воздам и более его же желаеши. Сия и сицевыми глаголы глагола ему благоразумная его заложница. Благоразумный же Бруна, слыша от нея таковыя глаголы, велми обдия сердце свое слезами, точию ей не яви первее сего, дондеже воздаде втай богу благодарение, и по благодарной молитве нача глаголати к ней с плачем: «о, благочестивая и милостивая отроковица, отовсюду бо вижду я от бога надареннаго в тебе смысла кипящую премудрость и неизреченную милость к странним, юже еще корабленики моими утешен бых, слыша от них о тебе, иже мене в честныя твои руже воистинну во спасение отдаша, а ныне и сам вижду более их о твоём милосердии, того ради не утаю от бога дарованнаго тебе смысла о себе ни единой вещи, обносящейся о мне. И нача ей вся подробну явити о себе: в первых свое отечество, таже свое имя, потом вся приключышася ему с нею, яже во отечествии и яже на пути, и яже у салтана во служении, и потом на корабли, и вся подробну ей поведа. Она же, егда услыша от него таковая, от великой радости не можаше удержатися от слез, и познаша друг друга, и тайные его вещи перстень той обручальный со обвивой червленею пред нею положи, от него же случися ему пострадати, и все ему яви: како, богу изволшу, вдадеса отцу его и с каким намерением принесен к ней от отца его; таже о сокровищах ему, иже в дельве отданом ей от купцов, и вся реченная ими подробну изъяви и свидетельство их ему показа. И от множества радости оба излияху много слез и удивляхуся величию божью, како на них призре и не остави я тщетных друг друга видети. Отцу же его о том ничто же ведущу, она же вскоре повеле уготовати

л. 269 об.

л. 270

л. 270 об.

л. 271

¹ Следует читать: подообразна.